

УДК 355/359–05(57)»18/19»(091)

Казачий вопрос в Сибири в конце XIX – начале XX в.

М. И. Вторушин

Омский государственный технический университет, г. Омск

Аннотация. Представлена проблема казачьего вопроса в Сибири рубежа XIX–XX вв. Установлено, что развитие капитализма в аграрном секторе хозяйства Сибири во второй половине XIX в. втянуло привилегированное Сибирское казачье войско в рыночные отношения; развитие капитализма в аграрном секторе хозяйства Сибири вызвало преобразование сословной структуры казачества края в структуру классовую. В основе трансформации находился земельный вопрос, который стал источником внутреннего и внешнего кризиса казачьего войска Сибири.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, казачий вопрос, казачья олигархия, земельный вопрос.

На рубеже XIX–XX вв. в России происходили сложные процессы перехода ее общества от системы традиционной цивилизации, связанной с полуфеодальными общественными отношениями, к системе цивилизации капиталистического индустриального типа. Трансформация сопровождалась неизбежным упрощением социальной структуры общества, которая в этот период еще сохраняла ряд архаичных черт, присущих феодальной формации. Элементом прежней, уже исторически отжившей социальной структуры России являлся институт сословий, освященный традициями и имперским законодательством. Участвовавшие в разворачивании процесса модернизации страны политические силы стремились преобразовать сословно-феодальную структуру деления общества России в структуру классовую, основанную не на привилегиях, а на отношениях собственности. Одну из сторон процесса трансформации социальной структуры России, который вызвал глубокий общенациональный кризис, составлял казачий вопрос в Сибири.

Изучали эту проблему в основном сибирские исследователи. Начало изучению процесса формирования казачьего вопроса в Сибири положил доклад В. А. Остафьева на заседании Императорского экономического общества в конце XIX в. [14]. Общему кризису военно-служилого сословия сибирских казаков накануне Февральской революции посвящена статья Е. В. Полюдова [15, с. 99–103]. Историография казачьего вопроса в Сибири представлена в статье Н. А. Хвостова [18, с. 83–87]. История возникновения казачьего сословия в Сибири и его эволюция в XVIII и XIX вв. рассмотрены в работах Ю. Г. Недбая, который установил наличие внутренних социальных противоречий в сибирском казачестве в середине XIX в. [12, с. 370–375].

Материальное положение офицеров-казаков Сибирского войска являлось объектом изучения С. М. Андреева [1, с. 210–212]. Он же исследовал порядок землеустройства в казачьем войске в начале XX в. [2, с. 115–122], а также социальные противоречия в казачьей общине [3, с. 118–122]. Наличие в Сибири «казачьей олигархии» отмечено в работе Л. И. Горюшкина по истории сибирского крестьянства начала XX в. [6, с. 223]. В работах А. И. Долгих исследованы вопросы экономического разложения общины сибирских казаков в конце XIX в. [7, 164–16] и нарастания социальных противоречий в казачьем сословии Сибири в начале XX в. [8].

Военно-служилое сословие сибирских казаков, сложившееся в ходе формирования военной структуры Российского государства XVII–XVIII вв., в XIX столетии имело ряд важных привилегий и обязанностей по отношению к государству [11, с. 426]. В эпоху расширения Российской империи сибирское казачье сословие являлось боеспособной частью русской кавалерии. Оно в качестве пограничной стражи сыграло важную роль в закреплении за Российским государством вновь присоединенных территорий. В конце XIX в. сибирские казаки, как и другие казачьи войска, как разновидность легкой кавалерии в значительной мере утратили свое военное значение для армии в связи с тем, что прогресс в развитии средств вооруженной борьбы (пулемет и скорострельная полевая артиллерия) исключал широкое применение конницы на поле боя.

В качестве пограничной стражи казаки также стали неэффективны, так как их основные поселения оказались во внутренних областях империи. Исходя из сложившихся обстоятельств, правительство Российской империи широко использовало сибирских казаков в качестве полицейской силы для подавления социальных волнений в стране и регионе [11, с. 427]. Для повышения эффективности выполнения карательных функций казаками самодержавие проводило политику закрепления особого сословного статуса казачества Сибири через охрану его привилегий, в том числе на земельные владения, которые окончательно превратили его в сословие-касту [17, с. 50–51]. Особый социально-политический статус областных казаков в регионе позволял местным властям натравливать их на другие слои сибирского общества [11, с. 427].

Однако в конце XIX в. в Сибирском казачьем войске созрел внутренний кризис, позволяющий говорить о возникновении в регионе местного казачьего вопроса. Кризис был порожден процессами социального расслоения внутри казачьей общины и возникшими противоречиями с крестьянскими сословиями региона по земельному вопросу [15, с. 99]. Разложение военно-кастового сословия сибирских казаков, которое началось еще в середине XIX в. в связи с набиравшими ход процессами модернизации страны, в начале XX столетия усилилось. Одной из причин ускорения разложения сословия сибирских казаков на «верхи» и «низы», нарушения прежнего их равенства и внутреннего демократизма являлось изменение экономической доминанты хозяйства как отдельных казаков, так и всего сословия в целом [16, с. 175–176]. С 1765 г. казаки владели лучшими в Сибири землями

вдоль пограничных со степью больших и малых рек, так называемой десятиверстной полосой [9, с. 30] площадью 4 762 тыс. дес. [13, с. 24]. В 1861 г. они распоряжались уже 4 907 085 дес. земли [15, с. 99]. В течение полутора столетий казаки использовали эти земли исключительно для ведения скотоводческого хозяйства [8, с. 13], получая за счет крестьян от государства хлебное довольствие [6, с. 210].

К концу XIX в. рост хлебного рынка в регионе вызвал стремление всего сословия сибирских казаков использовать отведенные им земли для развития зерноводства на основах предпринимательства. Тем более что согласно статусу военно-служилого сословия казаки были освобождены от уплаты каких-либо податей и выполнения повинностей, не связанных с военной службой [9, с. 32]. Поэтому им были необременительны налоги на продажу хлеба и Челябинский тарифный перелом, влиявшие на цену сибирского хлеба, отправляемого в европейскую часть страны. Приток из России бесправных крестьян-переселенцев и наличие киргизской бедноты, джатаков [12, с. 374], давали хозяйствам казаков дешевую рабочую силу, что позволяло им вести расширенное товарное производство. Как сообщал правительственный офицер «Путеводитель по Великой сибирской железной дороге», «хлебопашество у сибирских казаков с каждым годом все более и более входит в обиход Сибирского казачьего войска. Население Сибирского казачьего войска, еще недавно во многих местностях не производившего вовсе посевов и приобретающего хлеб из соседних губерний Западной Сибири, в настоящее время уже имеет значительные запашки и само производит сбыт сельскохозяйственных произведений» [16, с. 175–176].

К этому рубежу намечилось внутрисословное размежевание сибирских казаков по вопросу размеров земельных наделов, приводившее в условиях рыночных отношений к появлению чисто капиталистической социальной структуры со слоями зажиточных и обедневших групп казачьего населения. Так, по данным 1863 г., жилые дома с надворными строениями делились на три разряда, оценка которых составляла от 420 руб. серебром за первый разряд, 275 руб. за второй разряд и 90 руб. за последний разряд [12, с. 377].

Толчком к социальному процессу расслоения послужил новый порядок отбывания воинской службы, предоставивший казакам больше времени для ведения своего хозяйства. Кроме того, по закону 7 мая 1877 г. из общего фонда войсковых земель, причем лучших, в наследственное владение офицерам, насчитывавшим 205 человек, выделялось 903 763 дес. [3, с. 216]. Резкий рост спроса на сибирский хлеб в 90-е гг. XIX в. подтолкнул многие офицерские семьи на противоправные действия: они, используя свой социальный и служебный статус, произвели незаконные захваты земельных участков из запаса войсковых земель, округлив свою собственность до 1000 и более десятин [8, с. 9], став в итоге хозяевами 15 % удобных земель всего фонда войсковой собственности [13, с. 23].

Часть войсковых земельных владений площадью в 1 399 823 дес. была объявлена войсковым запасом, то есть общинными землями всех казаков. Эти земли войсковая администрация сдавала состоятельным крестьянам-

старожилам в аренду и субаренду [15, с. 99]. Арендаторами также являлись купцы, кулаки, богатые предприниматели, казачьи общества малоземельных станиц и поселков, крестьяне и немцы, в основном прибывшие с Украины [8, с. 10]. Распоряжались доходами от сдачи земли в аренду наказной атаман и управление войском, т. е. чиновники, использовавшие для обогащения такой порядок землепользования [17, с. 427]. Земельное размежевание общего фонда казачьих земель в интересах «верхов» к началу XX в. привело к образованию «казачьей олигархии» в Сибирском войске.

Сложившаяся ситуация вызывала недовольство рядовых казаков, которые, не понимая механизма манипуляций с земельным фондом и доходами от его эксплуатации, чувствовали несправедливость сложившегося положения дел. Их хозяйства располагались на так называемых юртовых или станичных наделах, которые, как правило, были спорными в отношениях с местными крестьянами и киргизами и состояли из менее плодородных земель. Рядовые казаки при межевании войсковых земель получили по 30 дес. на одну мужскую душу [17, с. 426]. В целом на одну семью приходилось от 80–100 до 200 и более дес. [8, с. 25], но качество земельных наделов в ряде мест было неудовлетворительным, поэтому казачьи хозяйства испытывали нехватку пашни [15, с. 99]. Особенно сложная ситуация была вдоль правого берега Иртыша, где в ряде мест залегали пески. Кроме того, общинам казаков на Иртышской линии не хватало леса.

Немаловажное значение имел тот факт, что рядовые казаки не являлись полноправными собственниками своих наделов, поэтому они не имели права по своему усмотрению распоряжаться своим земельным паем. Так, в приказе от 14 марта 1908 г. Военный совет Главного казачьего управления Российской империи официально разъяснил всем войсковым управлениям, что «станции имеют на землю, а, следовательно, и лес, лишь право пользования, право же собственности... всегда принадлежит на всю землю только войску» [8, с. 223–224]. Кроме того, недовольство казаков вызывал запрет на полное использование своего надела для ведения зернового хозяйства. Например, в Омском поселке разрешалось распахать на юрте не более 10 дес. на один пай. За нарушение этого постановления казака-самовольца подвергали денежному штрафу [4, оп. 2, д. 2644, л. 74].

Сам процесс перехода к ведению зернового хозяйства для значительной части сибирских казаков оказался болезненным, так как им не хватало орудий труда, навыков пашенного земледелия, возможностей нанять батраков и так далее. Значимая часть доходов рядовых казачьих хозяйств уходила на несение военной службы, которая продолжалась до 43-летнего возраста. Особенно разорительной для хозяйств рядовых казаков была повинность снаряжения их сыновей на военную службу. Так, стоимость строевого коня достигала 100 руб., что поглощало все доходы семьи, вынуждая ее занимать необходимые средства у зажиточных казаков, а это приводило к многолетней денежной задолженности [8, с. 17].

Против политики Правления Сибирского казачьего войска, которая касалась порядка аренды войскового земельного запаса и расходования

средств [15, с. 99], неоднократно происходили выступления рядовых казаков. Так, в августе 1905 г. произошли столкновения между населением ряда станиц Омского уезда Акмолинской области, это было в Лебяжинской и Николаевской, и арендаторами земель казачьего войска, причем казаки пос. Первотаровского захватили у арендатора Карзина часть покосов и совершили порубки в его лесной даче [10, с. 32]. О наличии серьезных противоречий в Сибирском казачьем войске свидетельствует также восстание двух казачьих полков накануне Первой мировой войны [5, с. 55–56].

К началу Первой мировой войны в Сибирском казачьем войске уже сложилась типичная для капиталистической формации структура классового размежевания в аграрном секторе: кулаки, середняки, беднота. Кроме того, функционировала «казачья олигархия». Разные условия воинской службы и несправедливость распределения земельного фонда обостряли противоречия внутри сословия. Поэтому казаки на выборах в Государственную думу в 1906–1907 гг. требовали от своих депутатов проведения закона о бесплатном изъятии офицерских участков в пользу рядовых казаков [17, с. 427]. За поддержку сибирскими казаками программы партии кадетов по избирательному закону от 3 июня 1907 г. П. А. Столыпин лишил их права избирать депутатов в Госдуму.

Таким образом, в начале XX в. в Сибири оформился казачий вопрос. Он имел внутреннее и внешнее содержание. Внутренняя сторона казачьего вопроса – это противоречия между рядовыми казаками и офицерами по размерам земельных наделов, а также между основной массой казаков, включая и многих офицеров, с одной стороны, и «казачьей олигархией» или старшиной – с другой, по вопросу эксплуатации земельного резерва войска и соблюдения равенства прав в казачьей общине. Внешняя сторона казачьего вопроса состояла в противоречиях привилегированной казачьей общины по земельному вопросу со всей массой местного крестьянства и национальными меньшинствами Сибири. Казачий вопрос также включал в себя общеисторическую тенденцию – поиск оптимальных путей отмены сословных привилегий казаков для уравнивания их в гражданских правах и обязанностях с остальным населением России. Так как сословно-кастовое единство казаков в этот исторический период, основанное на равенстве, прекратило свое существование де-факто, это требовалось оформить де-юре. Эту историческую обязанность взяла на себя революция 1917 г.

Список литературы

1. *Андреев С. М.* Землеустройство в Сибирском казачьем войске (1851–1917 гг.) / С. М. Андреев // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития / Ом. аграр. ун-т. – Омск, 1996. – С. 118–122.
2. *Андреев С. М.* Материальное положение офицеров в сибирском казачьем войске (нач. XIX – нач. XX в.) / С. М. Андреев // Катанаевские чтения / Ом. аграр. ун-т. – Омск, 1998. – С. 210–214.
3. *Андреев С. М.* Численность и социальный состав владельцев офицерских земель в сибирском казачьем войске (середина XIX – начало XX в.) / С. М. Андреев // Катанаевские чтения / Ом. аграр. ун-т. – Омск, 1998. – С. 215–218.

4. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 67.
5. Горбань Н. В. Восстание казаков 4-го и 7-го сибирских казачьих полков 31 июля 1914 г. / Н. В. Горбань // Ом. обл. – 1939. – № 8. – С. 55–56.
6. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1967. – 412 с.
7. Долгих А. И. Из истории сибирского казачества / А. И. Долгих // Науч. тр. / Ом. высш. шк. милиции МВД СССР. – Омск, 1970. – Вып. 4. – С. 162–174.
8. Долгих А. И. Социально-экономическое положение и классовое расслоение сибирского казачества накануне Февральской революции 1917 г. / А. И. Долгих. – Томск : ТГУ, 1967. – 23 с.
9. Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. / Г. Е. Катанаев. – СПб. : Изд. Березовского, 1908. – 67 с.
10. Кучер В. В. Антикапиталистические выступления сибирских крестьян в 1905–1907 гг. / В. В. Кучер // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. – Новосибирск : Наука, 1987. С. 29–36.
11. М. В. Земельный вопрос у сибирских казаков / В. М. // Сиб. вопр. – 1908. – № 25. – С. 18–34.
12. Недбай Ю. Г. Сибирское казачье войско. В 3 кн. Кн. 3 / Ю. Г. Недбай. – Омск : Изд. пед. ун-та, 2004. – 377 с.
13. Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири / Н. П. Огановский. – Омск : Изд. Центрсоюза, 1921. – 175 с.
14. Остафьев В. А. Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска. Доклад читанный в заседании III отделения И. К. Э. общества 4 октября 1897 г. / В. А. Остафьев // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 446.
15. Полудов Е. Сибирское казачество / Е. Полудов // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. – Омск : Госиздат, 1920. – С. 99–103.
16. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. – СПб. : Товарищество худ. печати, 1900. – 640 с.
17. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. – Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. – 1152 с.
18. Хвостов Н. А. Казачество восточных районов России в годы революции и Гражданской войны (историография вопроса) / Н. А. Хвостов // Из истории социальной и общественно-политической жизни Советской Сибири : сб. науч. тр. / Том. гос. ун-т. – Томск, 1992. – С. 83–87.

The Cossack Issue in Siberia in the Late XIXth – Early XXth century

M. I. Vtorushin

Omsk State Technical University, Omsk

Abstract. The article examines the Cossack issue in Siberia in the late XIXth – early XXth centuries. The author establishes that the development of capitalism in the agrarian sector of Siberian economy in the second half of the XIXth century involved privileged Siberian Cossack army in commercial relations. Besides, the development of capitalism in the agrarian sector of Siberian economy evoked transformation of the estate structure of the

Cossaks into the class structure. The main issue of the transformation was agrarian that led to the internal and external crisis of the Cossack army in Siberia.

Keywords: Siberian Cossack army, the Cossack issue, Cossack oligarchy, territorial issue.

Вторушин Михаил Иванович

*кандидат исторических наук,
старший преподаватель, кафедра
государственного муниципального
управления и таможенного дела
Омский государственный технический
университет
644050, г. Омск, проспект Мира, 11
тел.: 8(3812)60-65-97
e-mail: vtorushin-m2013@yandex.ru*

Vtorushin Mihail Ivanovich

*Candidate of Sciences (History), Senior
Lecturer, Department of State Municipal
Administration and Customs management
Omsk State Technical University
11, Avenue Mira, Omsk, 644050
tel.: 8(3812)60-65-97
e-mail: vtorushin-m2013@yandex.ru*